

Безжалостная королева чувствовала разочарование при виде кадров, присланных с вражеских позиций. Группа машин начала действовать своевольно из-за буйства Феникса, игнорируя все приказы. О чем они думают в такой момент?

Она не давала распоряжений атаковать вражеский командный центр. На данном этапе его уничтожение все равно ничего не даст. Передовые силы врага вторглись на базу горы Драконий клык и оказались изолированы посреди территории; сейчас они способны разве что на уловки.

Она позволила им подобраться чуть ли не к ее личным покоям, но таков и был замысел. Ведь ей удалось отделить элиту от основных сил Объединенного королевства. Действуй ее войска так, как она им велела, они смогли бы отрезать врагу путь к отступлению и сокрушить его эффективнее.

Если бы бронетанковые отряды не своевольничали и не позволили тем самым открыть брешь в своем построении, военные Объединенного королевства ничего не смогли бы сделать. После тотального уничтожения передовых сил у этой страны больше не было бы пути к спасению.

Будь национальная мощь Королевства такой же великой, как у Союза, они послали бы для поддержки бóльшие силы. Но они не могли себе этого позволить. Даже если существование страны висит на волоске, они были способны только поделиться скопившимися на складах боеприпасами или послать полуавтономных дронов на самоубийственную миссию.

Как только силы вторжения погибнут, Легион или будет ждать, пока Объединенное королевство задохнется от поденок, или просто пошлет множество Динозавров для прорыва обороны грубой силой. И несмотря на это, ее подчиненные решили всё сами и сделали то, чего делать не следовало.

Легион не мог не подчиниться приказам Верховного главнокомандующего, и Феникса это также касалось. Прикажи она ему вернуться, и у него не было бы выбора. Но она решительно закрывала глаза на его буйство.

Ведь Феникс уже завершил сбор информации, ради которого был разработан и создан. В этом «новом типе» больше не было никакой необходимости, так что она решила — пусть тот порезвится в последний-то раз.

«Я приказала быть сильным. Никогда не проигрывать в сражении и всегда развиваться, учиться... Пусть даже это никогда не было истинной целью Феникса».

†

Снаружи базы горы Драконий клык Митихи, отвечавшая за блокаду, синхронизировалась с Шином.

— Капитан Ноузен! Радар засек вражескую машину... Феникс!

— Приближается... Он должен был лишиться жидкой брони в той битве рядом с командным центром — но не стоит расслабляться, пока не подтвердим это.

После победы над Динозавром отряд «Остриё копья» продолжил свой путь по коридорам, ведущим к Тронному залу Безжалостной королевы. Похоже, та все еще не собиралась сбежать. Шин следовал за её холодным голосом, ведя за собой Могильщика и остальную колонну.

Этот коридор раньше был одним из вулканических туннелей, а его внешняя дуга округлой. Во время извержения много лет назад его закрыла затвердевшая магма. Каменный потолок со временем начал крошиться, и теперь отряду открывался вид на центр туннеля, усеянного гигантскими валунами.

Они следовали вниз по туннелю, идущему по спирали вокруг громадного, размером со здание, каменного шпиля. Своей формой он напоминал чудовищного первобытного зверя. Где-то здесь, вероятно, в горе была щель, соединяющая гору и ее поверхность, поскольку сверху шпиля на них падал слабый солнечный свет. И температура была вполне терпимой, а значит, откуда-то поступал холодный воздух.

— Разберитесь с ним, если представится возможность. Но не делайте ничего безрассудного. Если из-за этого станет сложнее поддерживать блокаду, просто забудьте.

Столкновение с Фениксом может привести к потерям и даже истреблению всего отряда. Тогда находящиеся внутри силы оказались бы заперты — прямо посреди территорий Легиона, с кишачими снаружи вражескими силами. Митихи, похоже, поняла это: Шин через синхронизацию почувствовал, как та нахмурилась.

— Мы и без слов все понимаем, капитан. Знаю, тебе я могу казаться лишь птенцом, но и у меня позывной имеется!..

— Тц! Юная мисс, мы всё не так поняли! — прервал ее Бэрнольт, нервно сглотнув. В его голосе чувствовалось напряжение. — Цель этой дряни не мы!.. Капитан!

Зрительная информация не передавалась между Джаггернаутами, поскольку вместе с голосами получалось слишком много данных - к тому же сейчас приходилось поддерживать связь и с силами снаружи. Но Шин с его способностью мог услышать происходящее там и оценить ситуацию.

Феникс, судя по всему, подпрыгнул, перемахнув Митихи и Бэрнольта. Он был подобен снежному барсу, использующему скалистую поверхность в качестве своего охотничьего уголья; он несся наверх. Он снова прыгнул и через мгновение исчез. Вероятно, покинув свою звериную форму, Феникс превратился в стаю серебряных бабочек.

Где-то на вершине горы должен быть еще один вход... чего, пожалуй, стоило ожидать. Эта база служила для развертывания поденок, постоянно летающих по воздуху. Легион определенно озаботился созданием эффективного входа с неба.

— Предположительно, он бросился за отрядом «Остриё копья». Примерное время прибытия... три сотни секунд, если он выберет наикратчайший путь!

— ...Вообще-то...

В первом сомнений не было. А вот во втором...

— ...не уверен насчет этого.

Неподалеку раздался клекот, напоминающий шепот крыльев тысячи бабочек. В ушах начали появляться неразборчивые механизированные стенания. И радар внезапно зафиксировал присутствие Феникса.

Прямо над отрядом «Остриё копья». Наблюдая за серебряной тенью через оптический сенсор, Шин подтвердил нахождение цели в автоматическом прицеле и зажал триггер.

Феникса встретил грохот пушки, отдававшийся эхом в вулканическом тоннеле. Кумулятивная ракета полетела вперед — буквально через мгновение она пронзит серебряный корпус.

Феникс, скорее всего, ожидал подобную внезапную атаку, но против Шина такое не работает. Тот мог рассчитать траекторию Феникса и знал, что он может выжить после любых повреждений, превратившись в стаю бабочек — совершенно новую оболочку. В конце концов, истинной его формой были жидкие микромашины, которые и составляли его центральный процессор.

В результате Фениксу не потребуется проходить по оккупированному ударной группой пути и оказываться в бессмысленных сражениях. Быстрее будет обратиться в стаю бабочек, проникнуть в базу через щель, оседлать новую машину и нацепить жидкую броню.

А еще у всех бронированных наземных орудий со времен старых гусеничных танков существовало единое уязвимое место — в верхней части. Шин знал, что если враг нападет, то атака будет сверху.

Феникс резко спикировал, но все равно ракета неслась прямо на него. Тогда он взмахнул высокочастотными лезвиями и вонзил их в скалу. Моментально остановившись, его звериный силуэт качнулся подобно маятнику и перекинулся на другую стену.

Взрыватель с таймером на кумулятивной ракете сработал. Но к тому времени Феникс уже оттолкнулся от стены, уйдя из зоны поражения... Такое происходило и раньше, да и сам Шин

не надеялся попасть, но эта невероятная реакция все равно раздражала.

Шин подметил, что жидкая броня словно была толще, чем раньше. Слой брони явно стал толще. Быть может, он просто хотел обезопасить себя, а может, собирался использовать такую же обманку, как в бою против группы Лены.

Каждый в отряде уже понял, что Феникс атакует их. Прямо как на базе цитадели Ревич, все рассредоточились так, чтобы быть вне досягаемости орудий Феникса, одновременно имея возможность поливать его снарядами.

Падальщики и самоуничтожающиеся Алконосты ушли со своих позиций, чтобы не стоять на пути. По синхронизации эхом разнеслось чье-то тяжелое дыхание.

Феникс же падал в центр их оцепления. Даже этой машине не под силу остановиться посреди полета, и гравитация все дальше тянула ее к ловушке снизу. Поденки активировали оптический камуфляж — тот сверкнул подобно снегу на солнце, и через мгновение серебряный силуэт Феникса пропал: как для человеческого зрения, так и для радаров.

Шину это показалось странным. В чем смысл оптического камуфляжа сейчас? Не было смысла скрывать себя в таких условиях. Он все равно не сможет изменить траекторию падения, а значит, целиться они будут в зону приземления. Зачем тогда пытаться скрыться? Быть может, понимание придет только со временем, когда они вновь столкнутся в битве. Возможно, таким образом Феникс пытался сохранить элемент неожиданности...

Он подготавливал оружие дальнего действия!..

— Всем членам отряда - в укрытие! Он стрелять собирается!..

Еще на базе Ревич Феникс продемонстрировал способность создавать оружие дальнего действия из жидкой брони. И хотя выстрел из такой пушки едва ли сможет им навредить, Шин решил не рисковать и велел остальным держаться от нее подальше. Только вот форма орудия в тот момент... и толстый слой жидкой брони...

Неожиданно оптический камуфляж поденок странным образом повредился. Из появившихся щелей подобно серебряным кометам вылетели Большие снаряды, похожие на те, что выстреливают баллисты - осадные орудия древних времен. Они походили на хрустальные иглы, и ливень из металлических шипов осыпался на каждого попавшегося на пути фердреса.

†

Лишь небольшая часть сил Легиона покинула построение, а оставшиеся все еще находились в замешательстве от атаки Феникса. Точнее, машины атаковали как раз из-за этого замешательства.

Похоже, это нападение не входило в планы Легиона: один из них действовал по собственной инициативе. Они напали не в тандеме с Фениксом или остальными силами, стоящими в режиме ожидания.

Но с многочисленными Динозаврами было чрезвычайно трудно справиться. Отряд Брисингамен остался позади для обороны командного центра вместе с Джаггернаутом. Лена от раздражения стиснула зубы, принимая внутри Фрейи командование над ситуацией.

Лена думала, что Динозавры и Львы должны оставаться у оборонительной линии Объединенного королевства для ее прорыва, и никак не ожидала нападения. Численность Легиона не была сопоставима с полным бронетанковым батальоном, но многочисленные машины все равно были подобны оползню.

Они прорвались через патруль, и авангард врага уже атаковал тыл оборонительного строения, где находилась Лена. Поле боя погрузилось в хаос, где тяжело было отличить союзника от врага.

Оборонительную формацию намеренно установили на возвышенности, чтобы в противостоянии бронированных орудий заполучить преимущество. И все же битва была жестокой.

Фрейя не предназначалась для сражений, но хотя бы могла вести огонь из установленного оружия. Раны Марсея не позволяли ему выполнять полноценные боевые маневры, но он мог пользоваться башней своего фердреса. Он высадился с Фрейи и присоединился к группе, чтобы стрелять до покраснения ствола.

Лена стиснула зубы, когда ответный горизонтальный огонь Динозавра скосил стрелявшую по диагонали гаубицу.

«А это может быть... очень и очень плохо».

†

— Кх?!..

Снаряды Феникса были не столь точны, как выстрелы из башни с системой помощи в прицеливании, да и каждый пилот Джаггернаутом имел позывной. Все среагировали на предупреждение и успели уклониться так, что кабины остались целыми.

Но у некоторых все же вышли из строя ноги, пушки или системы питания. У части сильно погнулась броня, принявшая на себя всю кинетическую энергию снарядов, летевших со скоростью звука. А вот среди Алконостов, менее опытных, чем «восемьдесят шесть», потери были - прямое попадание напрочь снесло их кабины.

Только Могильщик уцелел. Шин безмолвно взирал на этот кошмар. Не то чтобы отряд не был готов к выстрелам из пушки дальнего действия. Пусть они и находились в закрытом пространстве, но здесь было достаточно широко, поэтому они держались подальше от эффективной дальности той атаки, что Феникс продемонстрировал на базе Ревич.

Но вот только эта атака проводилась с улучшенными дальностью и силой, чего оказалось достаточно для вывода из строя Джаггернаутов...

Феникс бесшумно - в уникальной для Легиона манере - приземлился; вокруг лап валялась груда обломков бабочек. Немногие из уцелевших поденок кружились вокруг него - их крылья либо совсем не пострадали, либо немного обуглились.

Феникс полностью показал себя. Его черный корпус был усеян вкраплениями серебра. Толстое покрывало жидкой брони, похожее на крылья, почти полностью исчезло, а немногие оставшиеся на фюзеляже капли потрескивали электричеством, из чего становилось ясно, что он использовал электромагнитную силу для своего предыдущего выстрела.

Шин понял, что выстрелил он толстым слоем жидкой брони. Бронебойные снаряды полагаются на кинетическую энергию при попадании. Скорость выстрела башни Феникса достаточно мала, но он воспользовался имитацией электромагнитной катапульты для увеличения силы.

Все это ради того, чтобы одним-единственным залпом прорвать их окружение.

Феникс встряхнул тело, и остатки его брони упали на каменную поверхность, отразив слабый солнечный свет. Затем он уставился оптическим сенсором на Могильщика.

Сенсор светился холодным оттенком и читаемой одержимостью. Одержимостью Могильщиком... или, возможно, Шином, сидящим внутри. Такой же взгляд он направил на него в конце битвы на базе цитадели Ревич, когда тот, обращенный в стаю бабочек, крутился возле Безжалостной королевы.

Этот взгляд совсем не подходил бессердечной машине, чья цель состояла в уничтожении всего и вся без намека на эмоции.

В следующее мгновение черный силуэт бросился на Могильщика.

— Тц!..

Он не мог сражаться здесь - один неверный шаг, и его выстрелы попадут в товарищей. Могильщик бросился по проходу, надеясь сбросить хвост. Феникс следовал за ним по пятам. Удаляясь от товарищей, Шин бросил взгляд на Джаггернауты Райдена и Сео.

Ноги их агрегатов судорожно дергались, но сами пилоты выжили. Парарейд все еще был

активен. Он даже услышал чье-то еле слышимое ругательство через синхронизацию.

Он должен продолжать стягивать на себя Феникса, пока товарищи полностью не оправятся и не придут на помощь. Хотя нет... Машина может посчитать их за угрозу, обернуться и прикончить еще до того, как те смогут что-либо противопоставить. А допустить он этого не мог... чего бы это не стоило.

— ...Простите.

«Они, наверное... Нет, они определенно разозлятся», - подумал Шин, заставив Могильщика прыгнуть назад. Райден, Сео, остальные члены отряда, а также Анжу с Креной - они точно будут недовольны.

И Лена тоже.

«Поэтому ты должен вернуться. Чего бы это ни стоило».

«Да, я вернусь. Обязательно. Но тебе следует простить меня и за это».

Безмолвно помолвившись, Шин двинул Могильщика назад. Белый силуэт Джаггернаута вильнул за каменное образование в центре прохода, скрывшись из поля зрения. Феникс взмахнул высокочастотными лезвиями, жужжащими от вибрации.

Лезвия издали визг, похожий на женский крик, и вонзились в каменные шпильки рядом с Фениксом. Путь позади него заполнился камнями.

Он как бы говорил, что никому не позволит вмешаться.

□

Низ вулканического туннеля... Там находилась щель, из которой магма поднималась бы на поверхность, не будь она запечатана много лет тому назад. Солнечный свет, фильтруемый слоем серебряных крыльев, опускался сюда из дыры в сотнях метров наверху. Но этот свет мало что освещал в этом огромном пространстве, способном уместить императорские покои.

Здесь находился центральный процессор Адмирала - машины по производству энергии для базы. Здесь сотни миллионов поденок поглощали эту энергию. Тонкие электромагнитные зарядники, завязанные на индукции, росли по всему пространству, напоминая ветви деревьев. С них свисали бесчисленные листья-бабочки.

В задней части покоев располагалось ядро Адмирала в форме древнего драконьего короля, ассимилированного тронном. Над ним кружило множество обслуживающих машин.

Но прямо сейчас все то, за чем наблюдал Вик, горело ярким огнем. Зарядники, поденки, обслуживающие машины... На всех них одинаково распространилось пламя. В этих покоях вся поддержка была небоевого типа, поэтому уничтожить ее не составляло труда.

Серебряные бабочки развязно кружили в воздухе, пока остатки крыльев догорали и рассыпались в пыль подобно углю. Отличился только Адмирал. Быть может, как раз из-за столь огромных размеров его оптический сенсор еще пытался вертеться, словно прячась от огня. Но затем он остановился, сосредоточившись на Гадюке Вика.

Почувствовав наполненный искусственной ненавистью взгляд, Вик усмехнулся.

— ...Будь я Богом Смерти, возможно, смог бы узнать, кем ты некогда был, да погоревать.

«Но, к несчастью, способность горевать над смертью незнакомца находится на том уровне чувств, который я уже давно потерял».

Вик, понаблюдав за сценой кремации, повернулся спиной к этому зрелищу с еще большей, чем у сопровождающих его Алконостов, хладнокровностью. Все задачи в секторе выполнены. И осталось только...

— Всем членам отряда - подтверждаю уничтожение Адмирала. Все Алконосты на своих позициях. Мы готовы. Как у вас там?

Ответы поступили немедленно: от Юто из отряда Молния, посланного для подавления Вайзела, и Рито из отряда Клеймор, который должен уничтожить сооружения для генерации энергии.

— Говорит младший лейтенант Кроу, мы успешно взяли контроль над Вайзелом.

— Мы прямо сейчас занимаемся уничтожением объектов. Алконосты уже выдвинулись к своим позициям.

Не ответил Шин. Вик нахмурился. Он переключил цель парарейда на членов отряда «Остриё копья» и повторил вопрос.

— Ноузен? Ты слышишь? Ответь уже, каково ваше положение?

В этот раз он получил ответ - только не от Шина, а от Райдена.

— Ваше Высочество... это Шуга. Шина тут нет, так что я отвечу вместо него.

□

— Прости, но задачу мы пока не выполнили, поскольку не нашли Безжалостную королеву... и Шин сейчас сражается с Фениксом.

Райден горестно отчитывался изнутри своего Оборотня, чья кабина стала еще теснее из-за погнутой брони. Снаряды Феникса имели большой вес и летели на высокой скорости, но сила удара не достигла танковых снарядов. Его Джаггернаут лишился на несколько минут возможности двигаться, но сейчас уже был готов продолжить операцию.

То же касалось и остальных Джаггернаутов и большей части Алконостов, за исключением нескольких, кого все же подбило. Судя по всему, до омерзения мудрый принц уже понял общую ситуацию. Он задал вопрос Райдену:

— Вы разделились, да?

— Ага. Мы в поисках Шина сейчас.

Райден обернулся на конец коридора, заваленного большими камнями. Небольшая щель все же оставалась, поэтому проход не был окончательно заблокирован... Но пройти через нее и не оказаться погребенным под камнями было тяжело. В результате на их пути появилось препятствие.

Шин и Феникс уже давно очутились в этом туннеле. Они не слышали шум их сражения, так что оба, вероятно, отошли достаточно далеко, но ранее, когда Райден и Сео были недееспособны, те увидели их путь. А затем каменные шпильки порушились и возникла эта ситуация.

Парарейд Сео оставался активным, однако молчал; Райден через синхронизацию ощущал его беспокойство. Оптический сенсор Смеющегося лиса нервно покачивался. Падальщики же мирно стояли позади — кроме разве что Файда, который качался из стороны в сторону.

Нет. Райден скорчил гримасу. Шин ведь не облажался... он намеренно решил сразиться с Фениксом один на один. И все это для того, чтобы товарищи не оказались втянуты в сражение. Он защитил их после позорного проигрыша от Феникса.

«Этот идиот...»

Райден взбодрил себя мыслью, что при встрече можно будет хорошенько вдарить Шину. Но для этого нужно сперва помочь ему. Алконосты уже прочесывали пути в поисках обхода.

Скорее всего, в конце этого прохода и их цель — Безжалостная Королева. Но без точной карты они и надеяться не могли найти ее.

Вик подавил желание цокнуть.

— Понял. Мы будем ждать столько, сколько сможем.

Им нужна была способность Шина, чтобы найти Безжалостную королеву, но главной целью нынешней операции все еще было уничтожение базы.

— Спасибо.

— Не стоит. В подобных миссиях непредсказуемых ситуаций не избежать. Ломать голову над решением – дело командира. Переживать тебе насчет этого точно не следует...

— Райден.

В ответ на оклик Сео Райден поднял голову.

— Там вот внизу, в тени камней... что это? — спросил Сео, пристально уставившись куда-то оптическим сенсором Смеющегося лиса.

Райден с подозрением взглянул в место, куда он указывал, и...

— А?!..

...там оказался Муравей в белой, словно лунный свет, броне. Он стоял прямо перед каменной стеной, где коридоры разделялись. Машина хоть и смотрела снизу вверх, но ее взгляд был подобен гордому взгляду королевы на подданных. Округлый оптический сенсор, похожий на полную луну, сверкнул желтым оттенком холода, казавшимся до жути человеческим.

А еще отсутствовали 7,62-мм пулемет и 14-мм тяжелый пулемет в тех местах, где они должны быть у Муравья. Машина была лишена всякого вооружения, чего для передовой машины было неприемлемо — и на броне красовалась персональная метка с богиней, прислоненной к полумесяцу.

Безжалостная королева.

Не только Райден и Сео, но и остальные члены отряда вместе с Сиринами умолкли. У каждого на уме крутился только один вопрос.

«Что здесь... происходит?..»

Безжалостная королева вдруг отвернулась и начала уходить в характерной для Легиона безмолвной манере... Только вот сама походка была слишком неторопливой и походила больше на поступь леди — на Легион совсем не похоже. Королева прошла по коридору и исчезла где-

то в проходе.

Она словно манила их. Дразнила. Глаза Райдена раскрылись от удивления.

«Как она прошла сюда?!..»

— Пойдем за ней.

— Райден! Что насчет поисков Шина?!

— Зал этого металлолома должен быть прямо за стеной.

Сео это ошеломило. Они изначально спускались вниз в поисках Безжалостной королевы, и под этим местом предположительно находился сектор, именуемый Тронным залом. Шин также говорил, что Королева еще не сбежала. А это значит, что даже во время сражения с Фениксом она была там, внизу.

Но каким-то образом Безжалостная королева пересекла завал и оказалась прямо перед ними. Доказательств не было, но... вероятно, это лучшее, на что они могли рассчитывать.

— Выбранный ей путь как раз может быть обходным!

□

«Не одно, так другое...»

Отключившись от парарейда, Вик все-таки не удержался и раздраженно цокнул. Сначала сражение прямо перед командным центром Лены и резервной формацией, а теперь еще и пропажа Шина.

— ...Ваше Высочество... насчет сказанного Обратнем-доно... — произнесла Лерче.

Вик не мог не фыркнуть, услышав мольбу в ее голосе.

— Я уже говорил тебе, Лерче, что никогда не приписывал тебе беспрекословное подчинение. Как думаешь, почему я так поступил?

На ее губах заиграла улыбка. Даже без своих воспоминаний она оставалась все той же послушной Лерченлид.

— Благодарю... Ваше Высочество, позвольте мне присоединиться к поискам Бога Смерти-доно. Из-за температуры чем больше времени проходит... тем большей опасности он подвергает свое тело.

— Ладно... С захватом этого района мы закончили, поэтому свободные силы у нас найдутся. Возьми их с собой.

□

Шин оказался в глубочайшем из туннелей горы Драконий клык. Такое полностью закрытое пространство должна покрывать беспросветная тьма, но всё внутри было залито красным сиянием, и Шин мог видеть каждую деталь невооруженным взглядом.

Все вокруг было залито красным светом. Шин осмотрелся посреди алого из-за высокой температуры сияния, которое, казалось, отражалось от камней. Сам воздух словно светился красным.

Оптический сенсор Джаггернаута автоматически отключил ночное видение, переключившись в обычный режим. Только вот на его экране отражался не истинный свет снаружи. Вспомогательный компьютер просчитывал и рубил весь тот свет, что компьютер просчитал за неэффективный для пилотирования, корректируя изображение.

Свет исходил из глубины под каменистой поверхностью, где стоял Шин. Если упасть туда, последствия будут фатальными.

Магма.

Светящаяся расплавленная магма время от времени вздымалась, образуя красные волны. Кипящая под действием сверхвысокой температуры и находилась в жидком, но вязком состоянии, она заполонила все дно этой просторной пещеры подобно большому озеру.

Жар от магмы даже на таком расстоянии вызывал температурный скачок в его агрегате. Одна из металлических ног подбросила небольшой камень –упав на поверхность алой жидкости, тот сразу же расплавился.

Пещера была настолько огромна, что вместила бы в себя небоскреб. Озеро магмы формировало полукруг вокруг вертикальной стены в центре зала. Сверху стена соединялась с куполообразным потолком; а на самой вершине находилась щель, что соединяла пещеру и поверхность. Когда-то давным-давно эта дыра наверняка вела к кратеру.

Озеро магмы было усеяно бесчисленными камнями; Шин и Феникс стояли на двух разных. Они находились на широкой опоре рядом с большой каменной стеной. По форме она напоминала гильотину, отдавая жутким чувством. Казалось, место, где они стояли, когда-то срезали ровно

по горизонтали, образовав ровную поверхность достаточных для размещения городской площади размеров.

Путь наружу отсюда только один — очень узкий, но Лев пройти сможет. Напоминало все это лестницу на виселице, куда поднимался преступник. Однако Феникс возвышался над Шином, молча повернувшись спиной к дороге, как бы заявляя, что не даст ему сбежать.

— ...

Согласно приказу Лены Шин сделал все возможное, чтобы запомнить трехмерную карту. Только вот этого прохода на карте не было. Сделана она была благодаря способности Шина, так что на ней не отображались пути, по которым не ступал Легион.

И так как эта пещера находилась вне области операции, у Шина не было никаких союзных сил поблизости. Впрочем, то же касалось и Феникса. Судя по еле заметным следам многоногих машин и валяющимся в углу пустым контейнерам, Легион использовал магму для сжигания отходов.

Феникс намеренно привел его в это место.

— ...Ты, похоже, решил нам дуэль устроить.

Легион создавался без идей чести и гордости, но все же такое могло произойти, и Шин это знал. Во время разведывательной миссии два года назад он видел пастуха, который растерзал своих же товарищей, чтобы те не вмешивались в его дуэль. Динозавр — точнее, призрак его брата, помещенный внутрь — был одержим убийством Шина.

Машины Легиона не обладали такими мыслями или чем-то человеческим, но у пастухов такое поведение могло проскользнуть из-за ассимилирования нейросетей человека.

Феникс дернулся; его черный фюзеляж приподнялся. Обе передние ноги оказались в воздухе, часть брони вокруг них сменила форму. Затем ноги вернулись на землю, а новая броня перешла на бока.

Концы ног удлинились, а места пяток стали торчать сзади, острые концы прочно вонзились в каменную поверхность. Спина и голова отогнулись, но стоять прямо на двух ногах от этого он не стал. Центр тяжести оставался спереди, поэтому машина приняла наклонную позу, напоминая крадущегося хищника.

Итогом трансформации стало нечто похожее на тероподового динозавра — дейнониха. Высокочастотные лезвия струились позади, образуя что-то наподобие хвоста или плюмажа — возможно, для поддержания равновесия. Он был подобен дикому, маневренному хищнику.

Или нет... Его походка на двух ногах, длинноватые для динозавра руки. Словно...

— Людей имитируешь...

Его начальная форма была ближе к животному, тогда как сейчас проявилось больше человеческого.

Для самообучающейся машины выбор был вполне закономерным. Во время сражения в Подземном лабиринте Шарите Шин победил Феникса, находясь вне Джаггернаута и стреляя оружием из собственных рук. И в битве на базе цитадели Ревич Лерче одолела его, когда покинула свой агрегат.

Каждый раз Феникс проигрывал сопернику в человеческом облике. Наверное, так машина и пришла к идее сражения в человекоподобном теле. И, по правде говоря, такая форма не так уж и не непригодна. Хотя она и уступает животной в маневренности, но позволяет использовать точное оружие или метать предметы. Впрочем, для боевого стиля Феникса это совсем не подходило. В конце концов эволюция привела его к точке, когда изначальную цель уже не исполнить. Шин ухмыльнулся.

— Приняв человеческую форму, ты не станешь лучше, только совсем загниешь... то же самое касается и твоей одержимости мной.

Целью Феникса, судя по всему, было победить Шина в одиночку. Вот почему он проигнорировал всю логику и атаковал командный центр. И та же причина во взятии в заложники Райдена и остальных вместо того, чтобы сразу с ними покончить. По этому же он завел Могильщика к этому озеру магмы, где никто из союзников не придет на помощь.

Для машины по истреблению всего живого это были неэффективные и нелогичные действия. Легион, созданный только для уничтожения всех враждебных элементов, даже помыслить об этом не мог.

И всё из-за одержимости Феникса, желанию самому разобраться с Шином. Одержимость... Должно быть, это была своего рода попытка приписать себе смысл существования, хотя оно и не являлось человеком.

— Такая машина не нуждается в этом... Ты - дефективен.

Феникс никак не мог уловить нотки насмешки в голосе Шина, но после этих слов он резко оттолкнулся от земли и бросился в бой.

Битва у резервной формации продолжалась. Лена смотрела на дополнительное окно, где отображались кадры постепенного отступления Джаггернаутов и войск Объединенного

королевства – они вымотались. Одна мысль внезапно проскочила у нее в голове.

«Мы ведь можем умереть здесь...»

Ей пришлось стиснуть зубы, чтобы прогнать эту ужасающую мысль.

«Хватит быть такой размазней.

Ты не умрешь здесь.

Ты не можешь умереть.

Умру я — и тогда, получается, оставлю его...

...хотя он просил не делать этого.

И ты ответила, что не станешь.

Шин никогда не бросал меня. Он вернулся.

Перешагнув через вверенную судьбой смерть, он нашел меня среди цветков ликориса. Я не могу сдать здесь...

Умереть? Как я могу себе это позволить?»

Машина была оснащена оружием с вращающимся блоком стволов и 12,7-мм тяжелым пулеметом для самообороны, но патроны давно закончились. Муравьи продолжали сновать возле повозки Кровавой королевы, хотя она полностью потеряла способность вести бой. Только завидев, как их пулеметы пришли в движение, Лена тут же отдала приказ:

— Полная скорость! Вперед!

— Чего?!..

— Это же Муравей! Вес Фрейи отбросит его!

— ...Сделаем, мэм! Держитесь крепче, Ваше Величество! — прокричал водитель, готовясь к худшему.

В сравнении с танком машина, конечно, была легкобронированная, но все равно ее корпус покрывало тридцать тонн металла. Дизельный двигатель взвыл, и машина ринулась вперед.

Хотели ли цели прорваться для боя или у них еще имелось вооружение, но с разницей в весе было сложно что-то сделать; Муравьи уже зафиксировали прицелы и не могли вовремя уклониться. Фрейя, конечно, не смогла прямо отбросить тех из-за большого веса врага, но все же безжалостно раздавила их. Быть может, так было из-за адреналина, но столь поразительное зрелище медленно проявлялось в глазах Лены.

Мир и люди в нем. Они уродливы, холодны, безразличны и жестоки. Трясина поля боя – яркая, в то же время удручающая и бессмысленная. Такова, вероятно, была истинная форма мира. Однако...

Лена до скрежета стиснула зубы.

«Испачкаешься же», – так сказал ей Шин, стоя возле обломков Алконостов, потерянным и изможденным голосом. Хотя на самом деле в нем не было бы ничего, что смогло бы запачкать ее при прикосновении.

Он считал себя запятнанным. И если Лена прикоснется к нему, то сама станет такой же. Те слова оставили после себя похожую болезненную пустоту, которую она ощущала всегда, когда он говорил о злобе человечества... о холодной бесчувственности мира.

Теперь она поняла, что все это правда. Шин ненавидел этот холодный мир. Он ненавидел беспомощность и уродливость людей в нем.

И он ненавидел себя за то, что является частью этого мира, – и частью человеческой расы, которую так ненавидит.

□

Наверное, вот почему он сказал тогда, что она испачкается. И почему он держался на расстоянии от нее, например, в снежном саду. Почему он отказывался полагаться на нее, пусть и заявлял, что у него в мыслях такого не было.

Он будто видел в себе уродливого, отвратительного монстра, рядом с которым Лену мог поглотить этот холодный, безжалостный мир. И раз он боялся этого...

Она бросила взгляд на поле боя перед собой, думая о том, кто знал лишь ужасы войны.

«Именно этот безжалостный мир ты видишь, да? Ты ведь не хочешь оставаться в нем, правда?!...»

Шина перед ней не было. Только беспорядочное поле боя вокруг. Ему не плевать на будущее. Способности желать он тоже не лишен. Просто его одолевал страх, что... однажды у него вновь безжалостно отнимут все мечты.

Он хотел обрести веру - хотел, но жестокость мира украла у него способность мечтать. Тогда, если единственная оставшаяся у него гордость, - это сражение до самого конца... Если у него больше нет сил желать что-либо... Если его сердце и будущее сведено на нет этим миром...

Она будет сражаться вместо него.

Она будет сражаться с этим уродливым миром, что сковал Шина во льдах. Когда война закончится, он сможет увидеть исполнение своих желаний.

Она не может умереть.

Фрейя с грохотом натолкнулась на что-то впереди, клубы дыма рассеялись — и она увидела огромную 155-мм башню над стальной броней.

Динозавр.

Фрейя, быть может, и была в состоянии немного оттолкнуть десятитонного Муравья, но со стотонным монстром справиться не могла. Да и времени не оставалось: темная пустота огромной пушки уже уставилась на Лену.

Как ни странно, страха она не почувствовала. Напротив, она гордо смотрела прямо в ту темноту, что грозила ее убить.

«Я не умру.

Не могу умереть.

Еще чего.

Я ведь еще не...»

В этот момент подкалиберный снаряд пробил башню Динозавра. Сердечник из обедненного урана с визгом ударил по толстой стальной плите, а затем послышался вой 88-мм пушки, которая вдарила по стальному корпусу. Динозавр застыл, словно человек, только что получивший пулю в висок. Застывший силуэт мгновением позже развалился, будто марионетка с перерезанными нитями..

«Э?»

Лена ошеломленно смотрела на массивный силуэт. Что произошло? Водитель машины задавался тем же вопросом. Рядом с Фрейей что-то остановилось... что-то с шумом шагов. Оно не было машиной Легиона.

Оптический сенсор Фрейи углядел фигуру. Белая, словно полированная кость, броня, и фюзеляж в форме безголового скелета. Джаггернаут. Под кабиной виднелась персональная метка — винтовка с прицелом.

Стрелок. Агрегат Крены.

— Ты там жива еще, Лена? — раздался грубый голос по синхронизации и беспроводной связи одновременно.

Насколько бы далеко ни было поле боя восемьдесят шестого сектора, Крена никак не изменялась в своем отношении к ней. Девушка была резка, и ее переполняли эмоции, когда речь заходила о товарищах.

— Он попросил меня приглядеть за тобой. Умрешь, и я даже в глаза Шину не смогу посмотреть... поэтому прекращай творить свои безумства, которые тебя прикончить могут.

□

Как правило, гранит — очень твердый материал, но под воздействием высоких температур он стал довольно ломким. Особенно заметно это было на каменистых участках, находящихся ближе всего к источнику тепла. Ступая по таким местам, легко провалиться.

По мере сражения у Могильщика и Феникса сильно уменьшилась область, где они могли передвигаться. Сейчас самая малая каменная платформа могла вместить в себя обычный дом, тогда как большая — городской сектор. Вокруг еще оставались каменные платформы; одни были так низко, что и ступить нельзя, тогда как другие скорее напоминали стены.

Оба сновали туда-сюда и использовали все доступные поверхности. Черная и белая тень: они специализировались на ближнем бое и атаковали друг друга с целью забрать чужую жизнь. Шин в который раз выстрелил, но снаряд вновь пролетел мимо — противник двигался слишком быстро.

— Черт!..

Из-за дополнительной брони и 88-мм пушки Джаггернаут был в разы тяжелее Феникса, и Могильщик был сильно ограничен в выборе платформ, на которых мог стоять. В то же время Феникс свободно перемещался даже по очень тонким столбам.

Шин становился игрушкой в его руках.

Хотя пушка давала Шину преимущество, Феникс слишком юрко прыгал и слишком резко тормозил, так что автоматическая система прицеливания просто не поспевала за ним. А целиться без вспомогательных средств было практически невозможно.

Посреди прыжка Шин запустил анкер в одну из стен, чтобы изменить траекторию — но камень вдруг порушился. Приземлившись, Могильщик быстро оттолкнулся от горячей поверхности, и Феникс бросился за ним.

— Тц!..

В этот раз анкер не попал по цели, и Могильщик устремился прямо к магме. Шин едва успел воспользоваться другим анкером и приземлился на какой-то платформе — и спустя мгновение Феникс вновь набросился на него с крутого угла; он словно игнорировал саму гравитацию.

Теперь, когда Феникс использовал для перемещения две ноги вместо четырех, могло показаться, что он не способен двигаться быстро. Но все было наоборот — от смены формы он лишь ускорился. Концы ног прочно вонзались в землю. Возможность более твердо закрепиться на поверхности позволяла приводам эффективнее работать с движущей силой.

Феникс снова помчался вперед, оттолкнувшись от платформы; металлические ноги скрежетали по камню. Его нынешний вид был создан для сражения с Могильщиком. Ради этого он даже избавился от своей изначальной формы.

Выходя на поле боя, именно таким ты должен быть.

Пока Шин был сосредоточен на смертельной битве, неуместная мысль пришла ему в голову. Созданное только для сражений и существующее ни для чего иного, кроме как сражений — именно таким ты должен быть, выходя на поле боя. Лишенный всего ненужного.

«Говоришь, что будешь и дальше сражаться, но при этом не собираешься отказаться от непригодного для этого тела?»

□

Как и сказала Лерче. «Восемьдесят шесть» неполноценны. И хотя это так, они не хотели становиться теми, кто годится только для боя. Это уже не жизнь. Теперь он верил в это, хотя когда-то все было совсем иначе.

Еще до того, как он назвал свой агрегат Могильщиком; раньше, чем взял себе прозвище Бога Смерти; еще до встречи с Райденом и остальными товарищами; до появления друзей, которые бы сражались на его стороне — часть его было уверена, что без сердца будет гораздо проще. Он

искренне верил, что потеря эмоций поможет ему прожить дольше.

Но это не так.

Смертоносный удар приближался, а Шин был не в том положении, чтобы удачно уклониться. Тогда он вонзил лезвие в лежащий неподалеку контейнер и подбросил его, чтобы тот встал на пути летящего разреза. Инерция контейнера сбила лезвие Феникса с курса, и Могильщик кое-как выкарабкался снизу, словно израненное животное.

Часть брони ноги Могильщика скосило при попадании клинка.

«У тебя еще есть возможность найти с кем-нибудь счастье».

□

Правда ли есть? Может, и так. Шин все еще не знал, чего желает... или чего должен желать. Он мысленно вернулся в прошлое, во времена жизни в бараках восьмьдесят шестого сектора. Он вспомнил те недолгие моменты радости с товарищами, с которыми ему пришлось проститься из-за их смерти или смены места службы — он вспомнил время, проведенное с ними.

Вспомнил, как смеялся с ними над чем-то тупым и тривиальным.

В те времена не нужно было задумываться над битвами.

Он не забывал о них полностью — просто не думал.

И даже тогда, в восьмьдесят шестом секторе, у него было нечто большее, чем одна гордость. Он всегда мечтал о чем-то большем.

□

Рито и остальные члены отряда Клеймор получили приказ присоединиться к поискам Шина.

— Понял. Будет сделано... — ответил он и бросил взгляд в сторону.

За отрядом Клеймор следовала группа Алконостов. Она предназначалась для самоуничтожения — чтобы разрушить базу. Алконосты были начинены взрывчаткой до предела; чтобы увеличить грузоподъемность, с них сняли не только вооружение, но и часть брони. Рядом с ними следовало несколько обычных вооруженных Алконостов, чтобы защищать первую группу до тех пор, пока не придет их время.

— Мы также получили приказ выдвигаться, э... Людмила, — заговорил он через синхронизацию с командиром их группы.

— Да, будьте осторожны.

Ответ ее прозвучал спокойно, казалось, что она улыбается. Джаггернауты стали один за другим отступать от нее, будто пытаюсь разбежаться. Сидя в кабине Милана, который находился в арьергарде, Рито наблюдал за ней - она походила на молчаливого лебедя, осознающего, что пришло время погибнуть.

Она уже умирала раньше. И сейчас снова столкнется со смертью... она и остальные девушки.

Внезапно Людмила задала вопрос:

— Мы пугаем тебя?

Она распахнула кабину своего Алконоста, Малиновки-Один. Из нее, словно вылупившаяся из кокона бабочка, вылез силуэт девушки, что очутилась посреди чрева вулкана.

Она горделиво расправила руки.

...Будто мученица.

— Скажи, мы правда пугаем тебя? Тем, что умираем снова и снова? Мы страшны?

Рито на мгновение впал в ступор. В первую очередь он был парнишкой в подростковом возрасте. И пусть он знал о видимых следах войны и смерти внутри нее, подобный вопрос от девушки едва старше него задел его гордость; но он мог только согласиться.

Такова была правда. И эта Сирин уже знала об этом.

— Ага.

Он кивнул в несколько раздосадованной манере. Людмила, однако, лишь улыбнулась; ее улыбка столь невинна, будто у милостивой святой.

— Понятно... Хорошо тогда.

— Э?

— Если ты боишься нас, то это потому, что мы отличаемся. Ты просто не хочешь становиться таким, как мы – птицы смерти. Если ты испытываешь страх... для нас это честь.

Казалось, будто она испытывала искреннее облегчение, идущее из глубин сердца.

— Скажи, а кем тогда ты хочешь стать? Если не хочешь быть как мы, тогда чего ты желаешь?

— Я...

Быть может, все потому, что он был «восемьдесят шесть», но слова застряли в горле. Кем на самом деле были «восемьдесят шесть»? Сражение до самого конца – их гордость. Но если им суждено умереть, а последний их пункт назначения – это гора трупов, то...

«Я не хочу умирать».

Да, он не хотел этого... Но он ни за что не станет свиньей, что бежит с поля боя и выживает, укрывшись за кем-то. Он хочет сражаться до конца... но не будет удовлетворен бессмысленной смертью. Он хочет сражаться, а не погибнуть. Не бессмысленной смертью. Другими словами...

— Я хочу жить. Думаю, что хочу жить... и найти для себя предназначение.

Сражаться на поле боя, где царствует смерть, – гордость для «восемьдесят шесть». Таково было их собственное решение, и от него они не откажутся, даже если у них заберут все. Желание жить гордо даже в восемьдесят шестом секторе... и в этом мире.

Смерть не была для «восемьдесят шесть» основой мировоззрения. В конце концов, они продолжали бороться, насколько бы мимолетной ни казалась жизнь... бороться до самого конца.

Но Рито, кажется, в какой-то момент забыл об этом.

— Мы можем умереть во время битвы, но мы точно сражаемся не ради смерти. Мы хотим найти цель. Возможно, это самоуспокоение, но... мы хотим жить так, чтобы жизнь приносила удовольствие, и умереть способом, который для нас приемлем.

Даже если смерть в будущем предрешена.

От этого они отказаться не могли.

— Вот как.

Людмила прикрыла глаза и удовлетворенно кивнула, словно именно такой ответ она и хотела услышать.

— Тогда это замечательно. Ты ведь еще жив и свободен делать что пожелаешь. Только...

«Только», - вновь повторила мертвая певчая птичка. Словно молитва. Или призыв.

— ...Только, если это будет возможно, не отказывайся от самого главного - неважно, приобретешь ты что-либо или потеряешь и как много. Не отказывайся от гордости. Не отвергай себя. И тогда ты, быть может... найдешь счастье.

У Людмилы не осталось воспоминаний о прошлой жизни своей основы. Рито лишь немного побыл на ее стороне и не мог знать, кем она была при жизни. И все же каким-то образом он понимал, ради какой мечты она сражается.

Эти девушки отказались от прошлой жизни. А может, просто сдались и погибли, не осуществив мечту. И теперь они желали Рито и остальным «восемьдесят шесть», кто еще не встретил смерть, не терять собственных стремлений.

— ...Да.

Он слегка кивнул. Рито не нашел других слов для ответа. И ему казалось, что сказал он это не Людмиле, но и всем остальным Сиринам, которых здесь не было. И тем «восемьдесят шесть», кто, в отличие от него, не дожил до сегодняшнего дня. А еще Ирине, погибшей совсем недавно. Он адресовал его всем остальным.

— Тогда всегда иди вперед. И прошу, не забывай меня. Даже если в твоей памяти я останусь лишь образом одинокой погибшей птицы.

— Так и поступлю... но...

Рито говорил с той самой птицей перед ней, что пугала и вместе с тем ее хотелось пожалеть. При следующей их встрече у нее не останется воспоминаний об этом разговоре. Но Рито хотел ответить ей.

— ...Я ни за что не забуду. И буду продолжать думать о тебе... ведь я еще способен на это.

Наконец Джаггернаут нашел подходящую платформу. Она была довольно низко, и системы верещали о слишком высокой температуре. Взвизгивая на Шина с возвышенности Феникс собирался уже прыгнуть на него, но понял замысел и остановился.

Никаких других камней между ними не было. Феникс был достаточно проворным, чтобы выполнить такой прыжок, но платформа, где стоял Могильщик, была слишком далеко — придется прыгать по дуге. Другими словами, в какой-то верхней точке он на мгновение станет неподвижным.

Феникс понял, что Шин планирует выстрелить именно в такой момент, так что безопасно приблизиться он уже не мог. Шин же, видя, что враг рассчитывает возможность настигнуть его, огляделся в поисках пути к отступлению. Он осторожно попятился к стене позади себя, когда одна из ног сбила камень, и тот упал в магму; послышался жуткий кипящий звук.

Здесь было очень, очень жарко — не настолько, чтобы расплавить металл, но достаточно, чтобы в герметичной кабине стало невыносимо жарко.

Человеческое тело в какой-то мере может противостоять высокой температуре, но вот реид-устройства и встроенного в него нервного кристалла это не касается. Серебристое кольцо издало визг.

— ?!..

Хоть и не слишком громкий, такой звук где-то за шеей заставил Шина оцепенеть. То был очевидный сигнал о неисправности устройства, и едва различимые голоса Райдена и Лены теперь пропали совсем.

Бессознательно дрожь передалась руке, которая напряженно стискивала рычаг, управляющий задней ногой Могильщика. Едва державшаяся на платформе, она соскользнула.

— Дерьмо!..

Еще чуть-чуть, и Могильщик бы потерял равновесие. Он легко вернул его... И это не была какая-нибудь совсем непоправимая ошибка. Но они сражались у озера магмы, а падение обозначало верную смерть. Всего на мгновение, но внимание Шина переключилось на левую ногу.

Феникс не стал упускать шанс. Он пошел в атаку.

Одним лезвием он подхватил лежащий неподалеку контейнер, а другим, с выключенной вибрацией, отправил его в полет. В контейнере ничего не было, зато сам он был огромным и металлическим, да и бросил его Феникс с изрядной силой. Прямое попадание будет достаточно болезненным для легкобронированного Джаггернаута... Но такая атака была не более чем отвлекающим маневром. Феникс явно не рассчитывал, что Шин купится и действительно пальнет из башни по такой простой цели...

Но только контейнер не достиг Могильщика; на полпути он просто упал. Тогда волосы Шина

встали дыбом. Контейнер свалился слишком рано... он не пуст!

В нем были поденки.

Они притворялись поломанными, но Шин все же уловил легкие шепотки агонии. Он рефлекторно направил Могильщика в сторону. В то же время крылья поденок сверкнули белым и выпустили электрический разряд. Шину и смотреть не нужно было, чтобы понять, что еще спрятано в контейнере.

Электрическая искра попала на взрыватель, расположенный снизу, - он воспламенился быстрее пороха.

Снаряды в контейнере взорвались, распространяя вокруг горючий газ.

То были бронебойные подкалиберные боеприпасы. Такие полагались в первую очередь на кинетическую энергию, образующуюся в стволе из-за газа. Воспламеняясь, этот газ и давал нужное ускорение.

Здесь же никаких стволов не было. Они разрывались без тех скорости и силы, которые достигались в обычных условиях. Порох, конечно, все еще мог запустить снаряды весом 4,6 килограмма на скорости 1.600 метров в секунду, но для полноценного взрыва этого было недостаточно.

По этой причине ни сами бронебойные снаряды, ни возникшие ударные волны, ни даже сам взрыв не нанесли ощутимого урона отпрыгнувшему Могильщику. Основная сила рассеялась, поскольку не было направляющего ствола. Лишь несколько снарядов полетели в направлении Джаггернаута.

С помощью привода задней ноги Шин кувыркнулся назад, одновременно с этим с помощью левого и правого приводов восстанавливая равновесие. Он выстрелил анкером по каменной стене позади себя — и в следующее мгновение Феникс появился из-за завесы дыма и огня прямо перед глазами Шина.

— Тц.

У него не было времени, чтобы отцепить якорь. Он отстегнул провод полностью и оттолкнулся от стены, чтобы уклониться в единственное возможное место - в воздух. Мгновением позже Феникс врезался в стену, разломив ее невероятной силой ног, что в разы превосходила Могильщика, а затем кинулся в погоню.

Похоже, Феникс использовал все возможности своих приводов, чтобы ускориться — хотя те и так работали на износ. Острые концы ног надломились, зато он выстрелил собой вперед настолько стремительно, что оказался прямо рядом с Могильщиком.

Он ослепил Шина взрывом и выстрелил бронебойными подкалиберными снарядами, чтобы ограничить его подвижность. Феникс поставил его в положение, когда уклониться можно было только прыжком, чтобы затем воспользоваться этим и атаковать. В Подземном лабиринте Шарите Шин использовал тот же метод.

Это была своего рода месть. Он молниеносно погнался за врагом, которого загнал вверх. В независимости от того, собирался ли Могильщик стрелять или использовать лезвия, для противостояния Фениксу, что находился сейчас позади, ему требовалось как-то развернуться. Феникс же находился в идеальной позиции. И это создавало разницу в доли секунды между их атаками.

Тень высокочастотного лезвия опустилась на кабину Могильщика. Даже если то же самое проделает Шин, закончится это смертью обоих. Так говорил ему разум, все еще совершенно хладнокровный. Кабину пробьет, фюзеляж потеряет контроль и упадет в магму.

Быть может, сильное сосредоточение замедлило время, пока вибрирующее лезвие приближалось. И хотя смерть уже стояла на пороге, мыслил он на удивление здраво. Пожалуй, это показывает, какие раны были нанесены его душе. Неважно, кто из его друзей погибал – он всегда был способен подавить горе, злость и страх до конца битвы.

Он всегда умел напрочь лишаться всех эмоций и сохранять самообладание, а погоревать можно было и после окончания сражения. Ведь во время него он запечатывал злость, способную повлиять на рассуждения, и сковывающий конечности страх – в них в сражениях не было необходимости.

Он отказался от инстинктов выживания, присущих всем живым существам.

Он видел свою жизнь и жизни остальных откуда-то издалека, и тем самым становился похож скорее на боевую машину, нежели на человека. Накопленные раны позволяли ему пережить что угодно.

И сейчас он впервые понял, что это все-таки раны. Раны, так необходимые для победы в войне. Но однажды... однажды он сможет исцелиться.

Но до этого момента он будет использовать собственную боль.

Выбор вооружения. Копер. Четыре ноги. Режим отсоединения – вручную. Подрыв – одновременно.

Пуск.

Четыре копра на концах ног Джаггернаута выстрелили в воздух... в место, где не было ничего. Разорвались они с небольшими взрывами. Эти 57-мм копры создавались с целью пробить

верхнюю броню Динозавра — достаточно толстую, хоть она и была самой слабой частью защиты. И все четыре сдетонировали одновременно.

Копры из вольфрама способны пробить толстый слой брони благодаря силе, образующейся с помощью большого количества пороха. И отдача от этой силы досталась Могильщику; всем четверем ногам был дан толчок вверх.

Вот так в воздухе внезапно нашлась опора — в прыжке Могильщик оттолкнулся еще раз.

Лезвие Феникса рассекло лишь пустоту под ногами Могильщика. И поскольку никакого огнестрельного оружия у него не осталось, повторить трюк Шина он не мог. Синий оптический сенсор просто следил за Могильщиком с той же искусственной ненавистью и жадой крови. Шин, не дрогнув, уставился в ответ. Он резко опустил высокочастотное лезвие. Противник уже не мог никак избежать его.

Феникс до этого уклонялся от каждой его — и вообще всех Джаггернаутов — атаки, но теперь его наконец рассекло насквозь.

Черный корпус явил свои внутренности. Шин взмахнул лезвием еще раз, чтобы подтвердить уничтожение. Феникс рефлекторно поднял одно из своих орудий; два вибрирующих лезвия столкнулись, и оба сломались. Отдача от удара разнесла их в разные стороны: могольщика — вверх, Феникса — вниз.

Джаггернауты не летают. Невидимые лапы гравитации действовали на него так же, как и на все остальное в природе. Могольщик пролетел по дуге и, достигнув зенита, начал падать. Место приземления выходило неудачным: такими темпами Шин упадет прямо в магму.

Шин выстрелил последним оставшимся анкером в вертикальную скалу. Не обращая внимания на перегревшийся движок, он начал наматывать провод, чтобы как можно быстрее сменить траекторию. Провод все-таки не выдержал жара и загорелся, но Шин вовремя его отцепил и приземлился на платформу.

— Нгх!..

Он упал с высоты гораздо большей, чем позволялось спецификацией агрегата. Регинлейв, в отличие от алюминиевого гроба Республики, имеет буферную систему для защиты пилота. А вот двигательная система напряглась. Заверещала тревога: линейный привод сломался, соединения на стыках разорвались. Часть брони упала на каменистую поверхность.

Феникс же не имел анкеров, да и времени для маневра у него оставалось намного меньше. Его лезвия взметнулись в попытке обрести правильное положение.

Он еле смог приземлиться на край платформы, но из-за вонзившихся в нее лезвий та начала крошиться и через мгновение разрушилась – черная фигура качнулась и свалилась в бездну.

<<!..>>

Машина вытянула свои лезвия подобно человеческим рукам и вонзила их в скалу, сразу же остановив вибрацию, чтобы не разрушить камень. Несколько метров Феникс проскользил и затем остановился, слегка покачиваясь.

Его руки и ноги не могли достичь платформы — он лишь жалко болтался, словно пойманное в паутину насекомое. Насколько бы маневренным Феникс ни был, ему не удастся взобраться по отвесной скале. Лезвия издали зловещий визг, пока под ним редела магма.

Единственный оставшийся способ спастись – отказаться от нынешней формы. К такому выводу пришел Феникс, и в то же мгновение из промежутков в броне начал выливаться серебряный свет жидких микромашин.

□

— Сдохни.

□

Шин навел прицел на лезвие и безжалостно надавил на триггер 88-мм башни. Ей внезапно пришлось прийти в движение, а самому агрегату нужно было выдержать отдачу от выстрела. Стыки задней левой ноги Могильщика, которые и так были поломаны, треснули окончательно. Из-за этого он потерял возможность двигаться, но в обмен...

...Бронебойный подкалиберный снаряд, выпущенный в упор, разрушил гранитную породу и лезвие, что вонзилось в нее.

<<-----!!!>>

Под выкрик агонии – по крайней мере, именно так он звучал для Шина – Феникс начал падать в сияющую магму. Но боевые инстинкты велели ему сражаться за выживание. Сочившиеся жидкие микромашины пытались обратиться в бабочек и взлететь до соприкосновения с алым озером.

Но одну за другой их охватывало пламя. С каждым взмахом крыльев микромашины сгорали все быстрее. Даже без прикосновения с магмой они становились ярко-красными.

Они расцветали – словно блуждающие огоньки или развевающиеся по ветру маки. Всего на

мгновение испутив алое сияние, бабочки обращались в пепел.

Интенсивное тепловое излучение.

Даже Лев и Динозавр не смог бы выживать долго под воздействием столь высокой температуры, не говоря уже просто про Джаггернаут. Крылья этих бабочек, что были чрезвычайно чувствительны к повышенным температурам, хлопали совсем рядом с магмой. Не попытайся Феникс ретироваться, он бы просто-напросто утонул в ней. Однако вместо этого сгорали крылья бабочек.

Понял ли Феникс, что на это поле боя его привела безумная одержимость победы над Шином?

Теперь в магму погрузился и фюзеляж. Темно-красная вязкая субстанция поглотила черную броню – ее постигла та же судьба, что и металлических бабочек.

Механический плач затих.

Таковы были последние мгновения Феникса – машины, что на протяжении нескольких месяцев загоняла в угол ударную группу.

□

Для Шина все машины Легиона были стонающими призраками, мечтавшими попасть туда, куда не позволено. Это относилось и к черным овцам с пастухами, ассимилировавшими человеческие нейросети, и к белым овцам.

С первого своего появления Феникс истязал Шина и его товарищей. Быть может, именно из-за этого его гибель не вызвала у Шина почти никаких чувств. Никакого восторга или счастья победы тоже не было — наблюдая за исчезновением призрака, он разве что смутно ощутил одиночество.

— ...

Шин тяжело вздохнул, расслабил слишком напряженные нервы и повернул Могильщика. Агрегат еле передвигал сломанные ноги.

«Жарко».

Шин изменил режим управления с боевого на ходьбу, но прохладнее от этого не стало. Наоборот — температурные сенсоры говорили о постепенном приближении к верхней границе.

Источник тепла находился слишком близко, а в толщах каменных стен воздух не находил выхода. Если Шин не свалит отсюда как можно быстрее, увечья от жары не позволят Могильщику пошевелиться. И тогда Шин умрет. Значит до этого...

Он раздраженно передвигал обмякшие ноги своего Джаггернаута. Каким-то образом Шину удалось развернуть его на сто восемьдесят градусов, и тогда в поле зрения оказалось все поле боя. Во время сражения он не мог обвести его взглядом.

...Быть может, таковы были последствия их дуэли. Сейчас уже не скажешь, намеренно Феникс это сделал или нет. Но узкая каменная тропа, по которой он сюда добрался, обвалилась.

— ...А?

Сколько он так глазел на это? Вопрос вернул Шина в чувства. На самом деле не то, чтобы ответ на него имел значение. Попытаться объяснить или отрицать увиденное было бессмысленно, ведь зрелище пред глазами от этого не станет менее реальным. Единственный проход, ведущий наружу, обвалился. А значит...

«Я не смогу вернуться...»

Платформа, на которой он сейчас стоял, была достаточно широкой, чтобы вместить сражение двух бронетанковых машин. Места хватало и для разбега, так что если воспользоваться анкером, можно будет пересечь обрыв.

Вернее, можно было бы, находишь Могильщик в рабочем состоянии. Только вот одной ноги не хватало, как и обоих анкеров. Сейчас Могильщик едва мог передвигать ногами — даже прыжок на пару метров ему не под силу. Не было и никаких инструментов для починки.

Шин никак не мог сбежать из пещеры, равно как и не мог позвать на помощь. Рейд-устройство сломалось, и он не мог ни с кем синхронизироваться. Толстый каменный слой препятствовал радиоволнам, поэтому данные по радару и беспроводная связь не смогут достучаться до него.

Находишь Фредерика на месте, она бы, возможно, заметила его положение, но из-за ранения ее увезли с поля боя. Райден и остальные, скорее всего, отправились на поиски, но вероятность найти его в столь огромной подземной крепости, испещренной пещерами, невелика. К тому же долго удерживать блокаду в секторе все равно невозможно.

Была и другая проблема... Тело Шина, скорее всего, не выдержит воздействия внешней среды.

— ...

Осознав, что сделать больше ничего не может, он обмяк от усталости.

«О, вот где все закончится. Здесь... я умру. Никто об этом даже не узнает. Без пути назад.

Бессмысленная смерть...»

Даже столкнувшись с суровой реальностью, Шин чувствовал странное спокойствие. Он знал, что это неправильно, но старые привычки так просто не пропадают. Быть может, как раз поэтому. Может, так было из-за своеобразного видения жизни, которое «восемьдесят шесть» выстраивали на протяжении десяти лет в восемьдесят шестом секторе, где единственный их ждущий конец — верная смерть в конце срока службы.

Смерть всегда маячила где-то рядом, и завтра могло не наступить когда угодно. Поэтому, раз ему суждено умереть сегодня, Шин мог принять это. Не было необходимости бояться смерти. Ведь именно ради такого конца он и сражался.

— ...Кажется, я хорошо постарался, да? — пробормотал он то, что никто не услышит.

И тут же боевой журнал, записывающий все сказанное процессором, вырубился. Шин открыл кабину и ступил наружу.

Системы Джаггернаута уже окончательно затихли, и охлаждение тоже — так что температура в кабине поднялась до опасного уровня. Он понимал, что снаружи смерть придет еще быстрее, но почему-то в душной машине погибать не хотелось.

Горячий ветер поприветствовал его... Точнее, обжигающий воздух обволок все его тело. Не фильтрующийся вспомогательными системами, ослепительный свет от магмы жег глаза.

Для Шина это было естественно. Он видел много смертей. Он похоронил многих товарищей. И теперь пришло время присоединиться к ним.

Для «восемьдесят шесть» смерть была образом жизни.

Они умирали слишком часто и слишком легко.

Настала его очередь.

Вот и всё.

Только...

— Не следовало мне такое ей говорить, — мягко прошептал он.

Но даже столь простое действие жаром отдалось в горле.

Ему не следовало мечтать о будущем. Мечтать о чем-то — значит что-то потерять. Так было и будет всегда. Он пожелал, чтобы она не покидала его. Он обещал вернуться любой ценой. И вот что произошло в итоге.

Лена будет горевать... Да, наверняка будет. Такой она человек. Поэтому-то два года назад он и попросил помнить их. А сейчас он совершил нечто непохожее на него и понапрасну ранил ее...

Не будь на нем формы, он бы не смог так взять и прислониться к броне Могильщика. Шин взглянул вверх. Он уже давно потерял веру в Бога, которому можно было бы помолиться. Он мог воспользоваться пистолетом, чтобы умереть несколько проще, нежели от жары, но ему не хотелось этого. Подобная смерть казалась Шину предательством.

Предательством обещания - сражаться до самого конца. Нести на себе всех погибших к последнему пункту назначения. Обещания, которое он давал всем товарищам... И обещания Лене - вернуться живым. Пусть даже он все равно его нарушит.

— ...Лена.

По крайней мере... повезло, что она никогда не узнает о том, как он погиб...

— Прости.

Вдруг белая тень появилась прямо перед ним.

Шин услышал стенания. Чьи-то последние слова, теперь произносимые Легионом. Плач призрака - копии структуры мозга, запертого внутри машины. Бесконечно повторяемые последние мгновения.

Голос женский. Холодный и отстраненный голос белой луны.

Шин медленно повернул голову, словно ее тянула некая сила. Взгляд упал на старого Муравья, появившегося буквально перед ним. Броня была белого, будто лунного света, цвета, а на фюзеляже - персональная метка богини, облокотившейся на полумесяц.

□

Безжалостная королева.

□

— !..

И тогда неподдельный ужас затмил разум. Страх смерти.

Муравьи были самыми слабыми машинами в Легионе с точки зрения боевой мощи. Ну, если сравнивать с фердресами вроде Регинлейва или Ванарганда...

А вот жалкий человек для Муравья был простым мешком с четырьмя конечностями. Здесь уже неважно, с Муравьем ты столкнулся или с Динозавром. Человек будет безжалостно истерзан машиной.

Безжалостная королева была безоружна, как и на базе цитадели Ревич, когда он ее увидел - никаких 14-мм пулеметов, которыми оснащается этот тип машин. Но, опять же, влияло это мало на что. Вес Муравья запросто разрывал человека на куски.

И сейчас такая машина находилась прямо перед Шином. Она возникла раньше, чем он успел приготовиться к смерти. Смерть сама решила явиться.

Точно. Смерть приходит ко всем. Одинаково безжалостно... и внезапно.

Шин предполагал, что умрет здесь от удушья, и готовился принять такую смерть с достоинством. Но тут его лишили и того короткого времени, за которое он бы смирился с этим. Будто судьба посчитала, что такой исход для него слишком хорош.

Мир жесток - Шин искренне верил в это. И даже сейчас, в его последние мгновения, этот уродливый мир упрямо смотрел ему в глаза.

Разведчик приблизился. Шин рефлекторно встал; инстинкты кричали, что надо бежать.

«Я не хочу умирать», - внезапно подумал он.

«Не хочу. Ведь если я умру, то буду звать ее. Я буду звать ее по имени. И став Легионом, я буду вечно произносить ее имя, пока не выйду из строя».

Способность слышать Легион — механизированный плач призраков - была уникальной для Шина. Ни один из Эсперов этого не умел. Ее нельзя было искусственно воссоздать, в отличие от синхронизации, так что если Шин тут умрет, человечество никогда больше не услышит крики машин.

Но если с какой-то ничтожной вероятностью его собственные стенания дойдут до нее...

Он не хотел умирать. Он не хотел заставлять ее печалиться. Верно... Он не хотел, чтобы она пролиwała слезы. Пусть эти желания не исполнятся – сдаваться он не собирался. Он пообещал вернуться, несмотря ни на что. Поговорить с ней. Он ведь еще не извинился.

Поэтому он не мог здесь умереть. Не хотел умирать. Не хотел расстраивать ее.

«Хочу увидеть ее улыбку».

Даже в такой ситуации странные мысли лезли ему в голову. Они заполняли пустоту, которую Шин чувствовал внутри себя после сражения. Он не мог оставаться тем же собой. Он должен измениться. Но что именно он должен был изменить... и как? Он не раз истязал себя в поисках ответа и наконец нашел его.

Он все еще не знал, кем хочет стать, не мог вообразить своего будущего. Тем не менее...

□

Он хотел жить, чтобы запечатлеть улыбку Лены.

□

И, если возможно, улыбаться вместе с ней.

□

Безжалостная королева продолжала беззвучно приближаться. Шин напрягся. Не открывая от машины перед собой взгляд, он потянулся и взял из кабины винтовку. Отработанными движениями он зарядил первый патрон. Раскрыл приклад, прижал винтовку к плечу.

Броне Муравья ничего не будет от 9-мм пистолетной пули. Передняя броня способна выдержать выстрел из 7,62-мм винтовки. Но Шину было все равно. Враг приближался, вокруг — никаких укрытий. Но и полностью безоружным он не был. Значит, как-то можно победить и выжить.

Он должен вернуться. Вернуться к ней.

Конечно, даже каким-то чудом одержав вверх над Безжалостной королевой, Шин так и останется заперт в этой пещере. Но думать об этом времени не было. Враг перед ним, и он должен его победить. Древняя эмоция — гнев — горела в нем, контролируя мысли.

«Я не сдамся. Еще чего. Я ведь сказал, что вернусь!..»

Безжалостная королева приблизилась. Сейчас она была достаточно близко, чтобы атаковать, но все равно продолжала идти. Будто играясь.

А затем Шин заметил. В этом голосе – женском, наполненным печалью – не чувствовалось жажды крови, присущей всем машинам Легиона.

...Как вообще Муравей появился здесь?

Она не могла перейти через обвал. Шин смотрел на него, а Безжалостная королева появилась позади. А значит...

Вдруг тень легла на ногу Шина — и она принадлежала не Муравью. Большая, квадратная, несуразная тень...

— !..

Шин поднял взгляд, уже понимая, что это.

— Пи!

□

О чем только могла думать машина по сбору мусора без всякого вооружения? Она вылетела из глубины пещеры и, не снижая скорости, понеслась по неровной каменистой поверхности. Файд мчался на Безжалостную королеву со скоростью сто километров в час.

Такой таран размером с самого Муравья легко опрокинул его набок, и Файд навалился на упавшую Королеву всем своим весом. Белая броня прогнулась под весом десяти тонн и отлетела. У Муравья не было пулеметов, чтобы сбить столь странного врага, да и сам Файд подобрался уже слишком близко, чтобы точно сбить его при наличии хоть какого-то вооружения. Но, словно повинувшись инстинктам боевой машины, Королева замахнулась ногой...

— Файд, уйди оттуда!

— Шин, стой где стоишь!

Файд отпрыгнул – куда менее умело, чем Джаггернаут – и в следующее мгновение прогремела пушка. Выстрел с близкого расстояния попал по цели. 40-мм пулеметные выстрелы и 88-мм бронебойные подкалиберные снаряды посыпались сверху на ноги Муравья. Взрыватели, судя по всему, были установлены на инертный режим, поэтому снаряды не подорвались при прямом попадании. Они отправили шесть ног в полет одной лишь кинетической энергией.

Они отлетели, но из-за веса не так далеко, чтобы представлять опасность для Шина, стоящего рядом. Файд встал прямо перед Шином подобно щиту, чтобы заслонить его от летящих обломков. Рядом появился Джаггернаут со смеющейся лисой на броне — знаком Сео. Секунду спустя подоспел и Оборотень Райдена.

— Шин, ты в порядке?

— Так ты еще жив, кретин?!

Они появились слишком уж внезапно. На верхушке высокой стены пещеры имелся выступ — всего в нескольких метрах от ближайшей платформы. Человеку до такого было не допрыгнуть, а вот для Регинлейва в превосходном состоянии это было легкой задачей.

Шин попытался ответить, но горло полыхало от жары. Сухо откашлявшись, он встряхнул головой и нажал на кнопку интеркома.

— ...Ушам больно.

Грохот залпа Джаггернаута, конечно, мог оглушить кого угодно. С другой стороны, раз Шин жалуется на такую мелочь, то наверняка больше нигде не пострадал. Придя к такому выводу, Сео тяжело выдохнул.

— Ага, раз можешь всякий бред нести, значит, все нормально. Это хорошо, — затем в голосе появилось напряжение. — ...Рад, что с тобой все в порядке.

— ...

Шин едва не извинился, но сдержал себя. Почти два года назад ему сказали, чтобы он перестал заставлять товарищей беспокоиться... Перестал подвергать себя опасности. Но, конечно, поступал он с точностью да наоборот, и прекрасно это понимал. И хотя Шин чувствовал вину... извинения на словах ничего не изменят. Вместо этого он решил спросить:

— Откуда вы пришли?

Судя по всему, они следовали за Безжалостной королевой.

— Ты, наверное, не видел снизу, но над стеной есть тропа... Хотя понятия не имею, с чего они решили прокопаться сюда.

— Да уж...

Шин закашлялся; из-за короткой реплики горячий воздух еще глубже проник в горло. Райден беспокойно нахмурился.

— Не говори ничего больше... иначе только больнее будет. Могильщик ведь поврежден, так? Мы всё сейчас сделаем.

— Спасибо.

— Сказал же, не говори. Файд, иди за Могильщиком. И еще Муравей...

— Пи!

Файд прервал его электрическим сигналом. Райден не понял, но Шин, несмотря на боль в горле, пояснил:

— Он говорит, что остальные падальщики уже на подходе.

— Каким образом ты это понял по одному только сигналу?.. Это те, с кем мы немного раньше разделились, да? Понял, оставим это на них.

— Бог Сме-е-е-е-е-ерти-доно!

У входа в пещеру по другую сторону обвала появилось несколько Алконостов и падальщиков. По какой-то причине вместе с ними была и Чайка, прыжком оторвавшаяся от основной группы.

— Жив, цел?!.. О-о, Оборотень-доно и Смеющийся лис-доно!

— ...Постой, Лерче, а ты чего тут делаешь?

— Сирины сообщили, что этот путь соединяется с местом для выброса отходов Вайзела, так что мы решили перегруппироваться здесь... А, не время сейчас для этого. Падальщики-доно, разверните мосты.

Некоторые падальщики были модифицированы для строительства мостов: их даже снабдили несколькими лишними ногами, чтобы было проще пересекать реки. Чтобы не перегрузить самих падальщиков, длина каждого моста ограничивалась пятнадцатью метрами. Тяжелые фердресы вроде Ванарганда, конечно, пройти по такому не могли, но вот Джаггернауты — вполне.

Падальщики развернули мосты, а Файд направился к Могильщику. Оборотень перепрыгнул через камни. Возникло странное спокойствие, всегда наступавшее в конце сражений.

«Я спасен...»

Все-таки осознав это, Шин рухнул от усталости. Внезапно прорезалась сухость в горле. Все тело пылало.

— Эй!

Оптический сенсор Оборотня удивленно повернулся в его сторону. Райден попытался сказать что-то - возможно, хотел спросить, в порядке ли он, - но все же промолчал. По одному взгляду на Шина становилось понятно, что тот точно не в порядке. Взволнованно он повернулся к Смеющемуся лису.

— Сео, бери Шина и возвращайтесь. Я присмотрю за Файдом и остальными падальщиками.

— Сделаю. Я половину войск захвачу, ладно? Первый, третий и пятый взводы - мы полетим на всех парах, так что не отставайте. Шин, встать можешь? Ой, прости, вряд ли. Дай-ка мне секунду...

Смеющийся лис одним прыжком очутился рядом с ним.

□

— Принято. Отчитайтесь по возвращении.

Вик кивнул, получив подтверждение захвата Безжалостной королевы и спасения Шина - тот был ранен, но смерть ему не грозила. Вскоре последовал еще один отчет. Отряд «Остриё копья» успешно отступил, и все силы вторжения тоже. Осталось только...

Аннет заговорила через синхронизацию. Она находилась внутри кабины Джаггернаута, который во время операции ни разу не вступал в бой и был под защитой сопровождающих агрегатов.

— Так теперь у нас наконец есть Безжалостная королева... Думаешь, мы что-нибудь получим от нее? Что же находится в этом сундуке с сокровищами, что сам зазывал нас?

— В худшем случае это была просто уловка, чтобы выманить Ноузена и меня. В лучшем - мы можем найти способ покончить с войной... Но вообще, рассуждая реалистично, мы явно получим от нее какую-то информацию. Хочет она того или нет.

Если Безжалостная королева ассимилировала нейросеть создательницы Легиона, Зелен Биркенбаум, то кое-какими знаниями она точно владеет. Было бы потрясающе получить больше данных касательно систем управления Легиона.

— Она?.. О, так ты знал этого человека.

— Я разговаривал с ней несколько раз. Кстати...

Он раскрыл панель управления, модифицированную специально для использования им, ввел некоторые настройки и заговорил вновь.

— ...Пенроуз, ты завершила свой эксперимент, ради которого поставила на кон жизнь?

— Зачем спрашивать, если и так знаешь ответ, Ваше Высочество? Информация ведь просочилась не из Королевства и не через парарейд.

То, что Аннет сопровождали атакующие силы, не было сообщено военным Союза. Об этом знали только ударная группа и военные Объединенного королевства. Шин и Вик, чьи персональные метки были известны Легиону, постоянно подвергались нападениям. А вот Аннет, у которой персональной метки не было, не атаквали, хотя та и находилась в очень подозрительном Джаггернауте, что ни разу не принял участия в сражении.

Легион не замечал Аннет... или, возможно, даже не знал, что она находится так близко. В любом случае, утечка информации произошла не со стороны ударной группы или Объединенного королевства. Также не было никаких следов вмешательства в процесс синхронизации.

Вик продолжил говорить беспечным тоном. Он словно совсем не чувствовал предательства.

— Тогда, Союз, а?

Улыбка пропала с лица Аннет. Вместо нее читалось лишь омерзение.

— ...Есть еще одна страна, где в курсе о моем существовании.

□

После снятия нескольких уровней безопасности был активирован самоподрыв. Команда ретранслировалась по всей горе Драконий клык - в места, где находились начиненные взрывчаткой Алконосты.

Взрыватели были подготовлены для ручного активирования Сиринами на случай, если Вик и Аннет будут ранены, а радиоволны не дойдут до цели. Их системы изначально включали в себя самоуничтожение с целью предотвратить кражу мозгов Легионом. Сирины не сдвинулись ни на сантиметр. Они просто улыбнулись, размышляя о следующем поле боя.

Получив сигнал, взрыватели активировались, и Алконосты подорвались.

□

Грохот взрыва практически полностью поглотился огромной скалой, поэтому слышно его не было. Разве что легкая вибрация отдалась в животе.

Медик улыбнулся, подумав о том, что нужно помочь человеку с тепловым ударом, когда они находились посреди снежной горы. Шину велели отдохнуть какое-то время, поэтому он отсиживался внутри бронированного транспортника. Хотя они планировали уничтожить базу, на саму гору у них уже не было ресурсов. Дракониий клык все еще оставался высоким.

И все же стенания, которые он слышал, доносились теперь не из-под земли. Ни Легион, ни Сиринов, оставшихся для ручного подрыва. Аннет и Вик, а также Бэрнольт, отвечавший за блокаду, уже вернулись.

Когда они закончат с погрузкой схваченной Безжалостной королевы – она была плотно связана в бронированном контейнере без возможности двинуться или послать свое местоположение, – им останется только отступить.

В дверь транспортника кто-то вежливо постучал, как в королевские покои, и через мгновение она открылась.

— Вижу, Вам снова досталось, Бог Смерти-доно.

— ...Лерче.

В своей бордовой форме Сиринов и с архаичной саблей на поясе Лерче мало чем отличалась от своего обычного вида. Заплетенные золотистые волосы и стеклянно-зеленые глаза были такими же, как и всегда.

Только теперь ее вид и звуки мертвеца внутри нее не отталкивали Шина.

— Что? — спросил Шин.

— Ничего такого, я просто решила проверить Ваше самочувствие. Я слышала о том, что лечение было проведено, и Вам велели отдыхать.

Что ее голос, что выражение лица показывали собранность — словно она пришла сюда не чтобы переброситься парой фраз. Шин понял, что, быть может, ее беспокоит их разговор на базе цитадели Ревич. Вряд ли она, конечно, жалела о произнесенных словах, но они могли давить на нее.

— От новостей, что Вы в полном порядке, будто гора с плеч... Но я все же не могу не отметить хрупкость человеческого тела, неспособного выдержать высокие температуры.

— ...

Но пусть это произошло после сражения с Фениксом, его Джаггернаут также не мог двинуться от жары. Шин очень сомневался, что сами Сирины размером с человека с их охлаждающей системой также могли нормально функционировать в таких экстремальных условиях. Заметив прищуренный взгляд Шина, Лерче вернула ему беззаботную улыбку.

— И тем не менее, несмотря на эту хрупкость, Вам все-таки удалось чудом сбежать от гибели и вернуться. Может, Вы познали страх смерти... После такого доверите ли Вы войну нам, Сиринам?

Какими бы серьезными ни были ее вопросы, произносила она их беспечно, как и всегда. Она, наверное, уже знала ответ Шина, но хотела лишний раз убедиться.

— Ну...

И Шин решил спокойно ей ответить.

— ...люди действительно не... не лучшая жизненная форма для сражений, и я в том числе. Но люди не откажутся от своих тел. Мы несовершенны и трусливы - как ты и говорила.

— Тогда...

— Но, — прервал ее Шин, — что с того-то? Ваша гордость для нас ничего не значит. Мы выбрали сражение до самого конца и от этого выбора отказываться не собираемся. Не хочу погибнуть жалкой смертью. Какая разница, что мое тело не приспособлено к выживанию? Я не могу сбежать от войны. Да и...

Всего мгновение он заколебался. Он еще не произносил этого вслух. Ведь он всегда считал, что не должен желать... что не хочет желать.

«Однажды я хочу найти совместное счастье».

— ...Я хочу жить рядом с другими людьми. И поэтому я не могу пойти на такой шаг... ведь я...

В отличие от Лерче или остальных Сиринов, некогда погибших. В отличие от товарищей, чьи призраки оказались заперты Легионом.

— ...все еще жив.

В ответ Лерче громко засмеялась.

— Желание не отказываться ни от чего, при этом получить еще больше... Надо же, какая жадность. Превосходно, — прошебетала Лерче, едва сдерживая смех, но не улыбку.

Она посмотрела на него своими сияющими, изумрудными - и немного стеклянными со слегка нечеловеческим признаком - глазами.

— Но я все равно буду и дальше настаивать, чтобы на поле боя не было людей. Клянусь своими гордостью и достоинством, человек.

Таковыми были радостные слова птицы смерти. Шин ухмыльнулся, зная, что такого исхода никогда не будет. Он этого не допустит.

— Попробуй, меч.

†

Хотя Лене сообщили о завершении операции, она была в девяноста километрах от нее. Она никак не могла видеть дымовую завесу в небе от вершины горы, даже если бы взрыва было достаточно, чтобы уничтожить всю базу. В конце концов, сравнить целую гору с землей они не могли из-за нехватки ресурсов. Взрыв даже не мог создать видимость тряски.

С места, где находилась Лена, даже взглянув на гору никаких изменений увидеть не представлялось возможным. И поэтому резервные силы просто ожидали принца, который ушел вместе с птицами смерти и остальными товарищами, сражающимися с ними на одной стороне.

Покрывавший небо серебряный слой постепенно становился все тоньше. Поденки считались самыми маленькими и легкими среди всех машин Легиона, так что и переносимого в их телах электричества было не так много. Стая металлических бабочек начала улетать на юг из-за истощения энергии, но ни одна из них не возвращалась; плотность облаков начала уменьшаться.

На это штабные офицеры Объединенного королевства рассчитывали - когда Легион потеряет базу на горе Драконий Клык, поденки не смогут оставаться в небе. Голубое небо постепенно возвращалось к своему обычному виду.

И когда наступило утро первого за все эти месяцы дня с чистым лазурным небом над головой, атакующие силы вернулись.

Голубая лазурь летнего неба резко контрастировала со снежными вершинами. Даже на севере солнце раннего лета могло светить так ярко; снег под действием лучей потихоньку начал таять. Оттепель была настолько интенсивной, что становилось ясно одно – бассейны рек вскоре переполнятся.

Атакующие силы возвращались по хрустящему, тающему снегу. Тяжелые транспортники останавливались, и из кабин выходили процессоры, одетые в форму стальной синевы. Райден, сейчас взявший на себя командование вторым бронетанковым корпусом — Шин сейчас был выведен из строя, — подошел к Лене, отсалютовал и заговорил:

— Полковник Миризе, ударная группа «восемьдесят шесть» вернулась.

— Хорошая работа, старший лейтенант Шион и старший лейтенант Шуга. И остальные тоже. Прошу, насладитесь сполна заслуженным отдыхом.

Таков был этикет старшего по званию, демонстрируемый своим подчиненным. Все процессоры, включая Райдена, вздохнули с облегчением. Некоторые начали болтать друг с другом, и к ним быстренько присоединились процессоры из команды по управлению огнем. Среди войск вскоре поднялась настоящая суматоха.

Старший лейтенант Шион и остальные процессоры пошли следом за Райденом мимо бронированных транспортников. «Мы вернулись», – сказал кто-то. «Хорошо потрудились, полковник», – говорили остальные. Они шли, болтая о всякой всячине.

К Лене же скоро подошла фигура в знакомом небесно-голубом шарфе и форме цвета стальной синевы – все было изодрано и в грязи, без слов рассказывая об очередном безрассудстве. Гурен скорчил гримасу при виде Могильщика, которого принес Файд. Тот вновь был в ужасно-поломанном состоянии, на что Тоука вернула улыбку.

И все-таки он здесь, так что теперь она выполнит свою часть обещания. Шин подошел к ней, и она поприветствовала его. Не как командующая, но на личном уровне: она улыбнулась.

— Ты сказал, что вернешься.

Шин застыл от удивления. Лена пыталась улыбнуться, но внутри нее пылал гнев. Быть может, на лице у нее все уже было написано, но в этом она не была уверена, ведь саму себя в такой момент видеть не могла.

— Э... Так я ведь и вернулся.

У него еще болело горло, поэтому в голосе слышалась хрипотца. Лена знала о причине этой боли, так что разозлилась еще больше.

— Райден уже отчитался об обстоятельствах захвата Безжалостной королевы. А медики доложили мне о твоём состоянии. Райден сохранит за собой право командования до тех пор, пока медики не дадут свое разрешение. Ясно?

Шин молчал. Он, кажется, пытался глазами выцепить Райдена, потому что смотрел он куда-то за спину Лены. Безуспешно попытавшись найти нужные слова, он просто сдался и повесил плечи.

— Прости.

— Тебе лучше искренне извиняться! Почему... почему ты постоянно подвергаешь себя опасности?!..

Оправдания вроде «я должен был» или «у меня не было выбора» едва ли сработают. Она велела ему вернуться, и он дал обещание. Значит, вернуться он был обязан... и не могло быть и речи о действиях, что могли привести к его смерти.

А если бы он действительно умер?.. Всплывшие в глубине сердца эмоции застряли комком в горле Лены. Однако ей как-то удалось сдержать слезы. Когда Райден рассказал ей обо всем произошедшем, Лена долго не могла унять дрожь, хотя уже знала, что все закончилось хорошо.

— Я ведь так переживала... Если бы Безжалостная королева не оказалась в том месте... Если бы тебя нашли хоть минутой позже, ты бы мог погибнуть...

— ...

— Ты не можешь так поступать. Никогда не совершай таких глупостей. Полагайся на товарищей. Не жертвуй собой. Никогда больше не выбирай такой путь.

— ...Прости.

А затем на его губах заиграла озорная улыбка. Первая за долгое время, совершенно беззаботная.

— Кстати, а сама-то ты ведь не делала ничего безрассудного, да, Лена?

Та неловко застыла.

— Н-нет, конечно.

— Правда? Думаю, спрошу позже у Шиден.

— Шиден на моей стороне, так что не жди от нее честного ответа.

Шин улыбнулся шире.

— Значит, ты все-таки что-то сделала?

— Э?.. А!

Лена, осознав, что сказала лишнего, прикрыла рот рукой, а Шин засмеялся.

— Ты вроде говорила, что будешь ждать.

— ...

Лена надулась - ее слова использовали против нее же.

— И ты сама рисковала жизнью, а теперь наговариваешь на меня?

— ...Придурок.

Других слов она не нашла, но и промолчать не могла. Шин рассмеялся еще сильнее.

Надувшись, она повернулась к нему спиной и пошла вперед, а Шин последовал за ней. Лена немного замедлилась, и они поравнялись. Она взглянула в его красные глаза и заговорила.

В этот раз слова лились из глубин сердца, а улыбка так и сияла искренней радостью. По правде говоря, ей всегда хотелось это сказать. Еще с тех пор, как два года назад она сказала ему не оставлять ее. Когда она попрощалась с парнем, чье лицо даже не видела.

Она всегда хотела произнести это.

Когда она провожает его, то хочет говорить эти слова по его возвращению.

Улыбаясь, глядя в глаза.

— С возвращением.

Он мягко улыбнулся и вернул ей теплый взгляд.

— Ага... я вернулся.

□

Два года назад они расстались, не зная лиц друг друга — только имена.

Шесть месяцев назад они встретились после пережитого хаоса войны.

И три месяца назад они воссоединились в конечном пункте назначения.

Теперь они сблизятся. Даже если в чем-то они не могут себе позволить уступить друг другу, даже если они кардинально отличаются... они продолжат сражаться вместе, сколько бы усилий для этого не требовалось. И они понимали это, даже не облакая эмоции в слова.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1362010>